ВОЛЯ

#8 (40)

Газета свободомыслящих людей. Выходит с августа 1989 года

15 декабря 2012 года



ВСЁ УТРО Я МОЛИЛАСЬ БОГУ, ЧТОБЫ ДОЖДЬ НЕ ИСПОРТИЛ МОЙ ТРАНСПАРАНТ

С приветом!

Меньше всего думали мы год назад, когда не без тревоги, но и с огромным воодушевлением выходили на митинги на Чистых прудах, Триумфальной и Болотной в Москве, что «годовщину протеста» придётся отмечать чуть ли не с траурными ленточками вместо белых.

Похороны протеста хорошо сервированы, блюда приготовлены по всем правилам кулинарно–пиаровского искусства и поданы к столу демонстративно холодными, аж тоска берёт.

Ничего удивительного – либеральная пресса как минимум с августа переложила вожжи и ведёт кампанию на дискредитацию и уничижение протестного движения в нашей стране, внушая депрессивные упаднические настроения всем его участницам и участникам. Не будем вдаваться сейчас, чего тут больше, снобистской усталости московских журналистов, которым каждый день знай подавай новенькое, или подспудного давления на прессу из управления внутренней политики администрации пр***дента РФ, факт остаётся фактом, почти вся большая пресса России сейчас работает на развал протеста. Не отстаёт от неё в этой работе, насколько можно судить, и так называемый «КС оппозиции».

Может быть именно поэтому мы решили, что важно сейчас не прерывать выход нашей маленькой газеты, выпускаемой активистами общественного движения для других активистов и для всех, кому важно разбираться в сути политических программ, требований социальных движений, а также важно самим эти требования формулировать и отстаивать.

В минувшем году на митингах было много креатива и много веселья. Что ж, всё правильно, – бог создал людей несчастными, а Чаплин (что бы ни значила и кому бы ни принадлежала эта фамилия) научил их смеяться. Разумеется, такую прекрасную область человеческой жизни, как отстаивание собственного достоинства и собственных прав в политической и социальной сфере, нельзя отдавать на откуп скуке. Но нельзя отдавать и ухохатыванию.

Да, мы, митингующие, любим посмеяться, любим, когда весело. Это нормально. Но мы должны обнаружить в себе силы добиваться своего со вполне серьёзным упорством и последовательностью. Неужели кто–то из нас и в самом деле верил год назад, что после пары митингов власть в стране поменяется, а то и вовсе исчезнет? Всем было весело ходить со смешными плакатами и водить хороводы на масленицу, на «Белом круге». Весело было и на #оккупайАбай спорить о политике, слушать лекции и проводить семинары. После разгонов, однако, становилось менее весело. Образовательные инициативы, родившиеся поздней весной у Абая, уже к середине лета почти полностью захирели: оказывается, повышать свою политическую сознательность и образование нам тоже хочется в полу–частушечном ключе. И защищать политзаключённых тоже веселее, слушая концерт со сцены на Сахарова. Но нет, так не пойдёт. Одним весельем мы не победим. Мы можем победить умом, но для этого надо ум развивать – читать политическую и научную литературу, докапываться до смысла политических программ и лично до их выразителей, разобраться во всём самим, и распрощаться, наконец, с наивностью: не у нас у первых авторитарная власть, людям во всём мире и во все времена приходилось бороться за лучшую долю. Надо, чтобы их борьба, борьба наших прадедов, дедов и отцов, да даже и наши собственные усилия всего вот этого 2012 года, не прошли даром, не забылись.

И когда мы обогатим наши умы суммой всех политических и научных знаний, накопленных борющимся человечеством, ну или хотя бы какими–то составляющими этой суммы, мы обретём, наконец, понимание законов общественного развития, а значит, возможно, научимся на них влиять, научимся выправлять дышло истории. Может быть по ходу будет не так весело и креативно, но зато в итоге мы победим. И тогда уж по–настоящему повеселимся.

Так что – **мы не прощаемся!**

Увидимся на антифашистской демонстрации 19 января 2012 года, посвящённой памяти адвоката Станислава Маркелова, журналистки Анастасии Бабуровой и других людей, убитых неонацистами, а также посвящённой борьбе со всеми формами человеконенавистничества, так расцветающими сегодня в нашей стране. Это дата символическая, и антифашисты Европы и мира отмечают её каждый год.

Даты других демонстраций и их маршруты нам пока, конечно же, неизвестны. Возможно, они будут зависеть от направления ветра.

С приветом, **Влад Тупикин**

ВОЛЯ
газета свободомыслящих людей
выходит с августа 1989 года
#8 (40) 15 декабря 2012 года
редакторы номера: Вера Бредова, Влад Тупикин

графика: Виктория Ломаско, Татьяна Фасхутдинова
вёрстка: товарищ кошка
контакт: gazeta.volja@gmail.com
http://gazeta–volja.livejournal.com

Нравится газета? Помогите материально!
Номер нашего кошелька в системе Яндекс–деньги 410011275888490
адрес для переводов в PayPal: volja5volja@gmail.com

Поменьше узколобости!



Если вы меня спросите, какой именно лозунг из прозвучавших с момента внезапного массового пробуждения год назад стал моим абсолютным фаворитом, то долго думать мне не придётся: «Сильному обществу лидер не нужен». Посыл гениален по своей простоте и доходчивости, а по уровню аналитической мощи он никак не уступает многостраничным докладам отечественных экспертов, с переменным успехом пытавшихся найти объяснение преодолению многолетней пассивности населения крупных российских городов и описать состояние российского общества и его непростое взаимодействие с властными элитами. Только вектор предложенной анархистами и антифашистами на шествии по Якиманке 4 февраля мысли направлен не на привычную одномерную критику политической верхушки. Напротив, он ставит назревшие за годы «суверенной демократии» вопросы куда более фундаментальным образом, указывая на тупиковость требований провести «честные выборы».

Две характеристики поствыборных протестов особенно бросаются в глаза: эйфория участников оппозиционных мероприятий, быстро сменившаяся разочарованием, и зацикленность на власти и её определяющей в сознании большинства граждан роли. Переводя действия на улицах Москвы, Петербурга и других крупных городов в воображаемый мир детских сказок, можно, немного утрируя, констатировать, что измученные подданные жаловались на злого царя, лелея надежду, что волшебные силы в итоге подымут на престол царя доброго. Передовые фигуры либеральной оппозиции, так называемые лидеры общественного мнения и транслирующие их высказывания СМИ преимущественно либерального направления и по сей день продолжают навязывать нам свой скудный анализ. Они утверждают, что исключительно правовой произвол и коррупция подтолкнули людей к участию в уличных протестах, в то время как при нынешнем уровне цен на нефть государство вполне себе удовлетворяет запрос на социальную защищённость населения. Не лишне отметить, что столь узколобые выводы можно услышать как раз из уст людей, не нуждающихся в социальной защищённости в силу своей принадлежности к прослойке материально обеспеченных и преуспевающих. Их анализ происходящего определяет соответствующую повестку дня без учёта реалий тех, чьи доходы еле покрывают минимальные жизненные запросы. Не добившись общефедеральных «честных выборов», оппозиция довольствовалась выборами Координационного совета. В результате образовался ещё один орган власти, хоть и «альтернативный», требующий всеобщего внимания и отвлекающий от куда более насущных проблем и их решения.

Ключевым в данном контексте обстоятельством является то, что участники массовых протестных акций ещё до конца не осознали себя в качестве полноценного политического субъекта. Помимо прочего это манифестируется в пока ещё слабо развитой самоорганизации населения за пределами сугубо семейных, дружеских или деловых отношений (несмотря на наличие множества мелких гражданских инициатив и волонтёрских движений) и в отсутствии целостного видения своей активной роли в каком бы то ни было демократическом обществе будущего. Необходимые для ежедневной активной политической жизни навыки можно постепенно приобретать, но без осмысления собственной значимости для функционирования общества, в котором все решения не должны приниматься, как сейчас, без участия большинства населения и вопреки его интересам, добрый царь неизбежно превратится в злого. Проще говоря, не хватает масштабной положительной утопии. Да, именно утопии, а не очередной оценки наших кажущихся скромными сил. Лидеры пускай живут своей жизнью, оглядываясь на них мы упускаем из виду осознание собственных потребностей. Хватить вечно отталкиваться от крепостного права, пора взять свою судьбу в собственные руки.

София Калинина

Москва, 4 февраля 2012 года. Фото: anatrra

По-взрослому: самоуправление

Вадим Курылёв
(музыкант, Санкт–Петербург):

Весь минувший год оппозиция пыталась использовать стихийно возникшее движение за честные выборы для своей выгоды, чтобы самой прийти к власти. Одну власть менять на другую – да сколько можно уже?!! Столько поколений билось лбом в стену – всё было напрасно, но нет ведь, каждому поколению надо попробовать установить свою власть: вдруг лучше будет? Да не будет! Почитайте историю, сейчас информация доступна каждому в интернете. И бунтовали, и честно выбирали – один результат всё равно! Кто–то у власти, а ты у разбитого корыта, цепями прикован. Какие вообще выборы? Зачем они? Подтвердить своё рабство? Если бы вся страна на выборы не пришла – вот это был бы плевок в рожу власть имущим. Это было бы начало революции. Современная революция начинается не с вооружённого бунта, а с цивилизованного неподчинения властям. Даже не надо собираться на митинги, шествия и т.д., надо просто не идти на выборы никому! Назначат новые выборы – опять не ходи, пусть они, брызжа злобной слюной, будут по ТВ взывать к гражданской совести. Совесть как раз в том, чтобы не участвовать в этих политических клоунадах! У них, у политиков, совесть отсутствует вообще, нет такого понятия. Есть только слово, но в нём нет реального смысла. Как банкнота, вышедшая из оборота: написано 100 рублей, а купить ничего нельзя. У политиков совесть давно вышла из оборота, но они это тщательно скрывают. Потому что у них полные карманы твёрдо конвертируемых банкнот. Кроме тех, кто у власти, и тех, кто к ней рвётся – кому ещё нужна эта капиталократия?? Я считаю, что самое верное решение – самоуправление! И человечество уже созрело для этого серьёзного шага.

Хроники сопротивления

Виктория Ломаско

Многотысячным митингам оппозиции исполнился год. Впервые с начала 90-х протестное движение в России привлекло к себе внимание всего мира. Многие ожидали «оранжевой» революции.
Начиная с выборов в Госдуму, я вела графическую «хронику сопротивления» — зарисовывала на месте все значимые события, связанные с протестом. К «Маршу свободы» 15 декабря подготовлена юбилейная хроника: с 4 декабря 2011 по ноябрь 2012 года. Попробую вспомнить и описать протест, в котором я была рядовым, но постоянным участником.

04.12.11

На думских выборах я работала художником-журналистом в Химках. На моём избирательном участке под разными предлогами удалили журналистов и всех наблюдателей, кроме единороссов, но художницу оставили, как забавный казус. Я стала свидетелем, как автобус за автобусом привозили людей с открепительными талонами. Люди были с разных предприятий, очень часто из других городов. Водители покрикивали на них: «Голосуйте быстрей — вас ещё дальше везти!» Простые жители, которые пришли голосовать самостоятельно, не могли пробиться к бюллетеням.
Уже вечером и в последующие дни интернет был переполнен фото и видеосвидетельствами фальсификаций на выборах. Наблюдатели писали о грубейших нарушениях. Вкупе с решением Путина снова стать президентом эти свидетельства перечёркивали любые иллюзии по поводу гражданских свобод в России и надежды на перемены.

06.12.11



Митинг на Чистых прудах 5 декабря я пропустила. Вечером того же дня протестующие создали в соц.сетях мероприятие – митинг 6 декабря на Триумфальной площади. На Триумфальной с 2009 года проходят акции в защиту свободы собраний, инициированные Лимоновым. Митинг 6 декабря не был разрешен властями, но собрал тысячи человек. На выходе из метро людей встречали нашисты, колотящие в барабаны, и отряды полиции в «скафандрах». Начались жёсткие задержания. За ограждениями происходящее снимали на видео сотрудники органов в штатском и нашисты. Я встала к ним, меня приняли за нашистку и похвалили за талант. Реплики вписала уже дома.

10.12.11



Известия о задержаниях на Триумфальной ещё больше подогревают протестные настроения. В Фэйсбуке на «Митинг за честные выборы» записывается около сорока тысяч участников. Место сбора — площадь Революции. В интернете, на кухнях, в офисах люди обсуждают возможность революции и вероятность того, что демонстрацию будут разгонять с применением оружия. Либеральные лидеры: Немцов, Пархоменко и Рыжков договариваются с властью, что митинг будет разрешён, если протестующих уведут от Кремля на Болотную площадь. 10 декабря прошёл первый с начала 90-х многотысячный оппозиционный митинг, полиция никого не задерживала. Думаю, многие были настолько возбуждены своим присутствием в теле стотысячной демонстрации и красотой шествия под разноцветными флагами, что перестали критически оценивать происходящее.

24.12.11



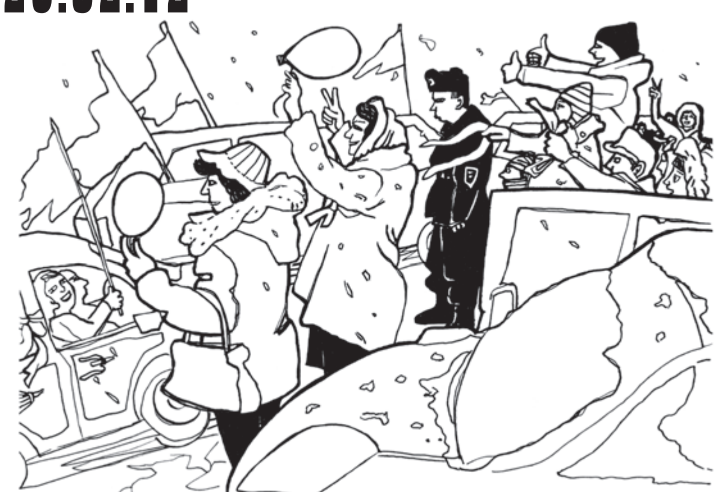
Митинг 24 декабря на проспекте Сахарова запомнился явным присутствием «простого народа»: людей без айфонов, бедно одетых, не принадлежащих ни к какой политической партии. «Народ» вышел без креативных плакатов и матом комментировал выступающих со сцены Собчак и Кудрина.

04.02.12



Морозным днём по Большой Якиманке до Болотной площади прошли четыре колонны «Шествия за честные выборы»: общегражданская колонна, либералы, правые и левые.

26.02.12



Народный флэшмоб «Белый круг» выглядел невольным повторением акции 2007 года «Белая линия», когда художники из «Профсоюза уличного искусства» замкнули Садовое кольцо белой линией, начертанной мелом. Во время «Белого круга» протестующие с белой символикой взялись за руки вдоль всего Садового кольца. Белые одежды, белые шары, белые цветы, белые игрушки, белые собаки, из проезжающих машин махали белыми лентами, падал снег… Светлое настроение. Его нарушали только нашисты с плакатами в руках: «До победы Путина осталось 8 дней». После «Белого круга» Удальцов со своими сторонниками водили протестные хороводы на площади Революции.

04.03.12



На президентских выборах работали тысячи активистов-наблюдателей. Я находилась в составе мобильной группы от проекта «Гражданин Наблюдатель». Курсируя между избирательными участками, мы видели шеренги автобусов из Белгорода, Владимира, Саратова и многих других городов, а на избирательных участках — очереди свезённых провинциальных рабочих и студентов с открепительными талонами. Вечером их ждал праздничный концерт на Манежке.

Несмотря на мобилизацию всех столичных оппозиционных сил, Путин даже по Москве набрал 48,25%. По России — 63,60 %.

05.03.12



На следующий день на Пушкинской площади прошёл очередной митинг «За честные выборы»: креативных плакатов было меньше, злости больше — люди делились своими впечатлениями от выборов. Мы стояли на морозе, по колено в снегу под полной луной. Удальцов призвал участников митинга не расходиться «пока Путин не уйдёт». Оставшихся по его призыву несколько сотен людей разогнала полиция, многих арестовали на 15 суток.

10.03.12



На Новом Арбате проходит последний митинг «За честные выборы». Максим Кац и другие победители муниципальных выборов призывают не отчаиваться и переключаться на решение социальных задач. Со сцены говорят о политзаключённых из «Pussy Riot». Появляются первые плакаты в поддержку группы. Следующее протестное мероприятие назначили на 6 мая.



В перерыве между многотысячными митингами вокруг судов, где рассматриваются кассации по делу «Pussy Riot», проходят «Судебные фестивали имени Pussy Riot». Художники активно участвуют в них со своими агитками, плакатами и акциями.

06.05.12



«Марш миллионов», несмотря на начало дачного сезона, собрал около пятидесяти тысяч человек. Первый раз во время многотысячного митинга полицейские неожиданно стали разгонять людей дубинками и слезоточивым газом. На моих глазах какому-то парню пробили голову, он упал окровавленный. «Убили, убили!» - заголосили женщины. Несколько участников митинга опрокинули кабинки сортиров, и из них потекло дерьмо под ноги полицейским. Полицейские разделяли протестующих на группы, гнали по улицам, избивали, задерживали, но до самой ночи им не удалось заставить людей покинуть пространство между Болотной площадью и Третьяковской.

В настоящий момент обвинение в устроительстве массовых беспорядков предъявлено девятнадцати участникам этого митинга, которых произвольно выбрала полиция. Двенадцать из них находятся в СИЗО. Один из «узников 6 мая» Максим Лузянин уже получил 4,5 года колонии общего режима.

07.05.12



В этот день Путин в очередной раз стал президентом России, а недовольные граждане в знак протеста начали круглосуточные «народные гулянья» по центру Москвы.

09.05.12



9 мая, казалось, Москва празднует не День победы, а день полицейской оккупации.

К середине дня на Чистые пруды стала подтягиваться оппозиция, в основном, участники «народных гуляний». Вечером по обеим сторонам Чистопрудного бульвара показались полицейские автозаки. Полицейские почему-то не стали разгонять полторы тысячи активистов. Несмотря на угрозу задержания, не меньше сотни людей осталось ночевать на Чистых прудах у памятника казахскому поэту Абаю Кунанбаеву.

10.05.12



Утром на Чистых прудах начал формироваться лагерь ОккупайАбай. В его организации приняли участие гражданские активисты, либералы, левые, анархисты, националисты, члены ЛГБТ сообщества и другие. Ядро активистов ОккупайАбай практически не покидало пределов лагеря весь период его существования — ночевали на земле в спальниках. Они взяли на себя уборку территории, обслуживание народной кухни, созданной на пожертвования, следили за порядком. Остальные участники протестного движения также старались проводить в лагере как можно больше времени: многие забили на учебу или взяли отпуск. Каждый день активисты читали бесплатные лекции на политические и социальные темы. Некоторые приезжали в лагерь с гитарами и устраивали импровизированные концерты: пели о свободе. Поэты провели вечер гражданской поэзии, «Театр Doc.» сыграл спектакль «БерлусПутин», я показала выставку рисунков «Будни ОккупайАбай». Люди разных политических взглядов обсуждали перспективы протеста. Даже в холод и дожди на ОккупайАбай было людно. Существование лагеря всеми воспринималось как чудо.

13 мая десятки тысяч людей присоединились к «Контрольной прогулке» писателей, которая проходила по маршруту Пушкинская площадь — Чистые пруды. По окончании прогулки многие остались на ОккупайАбай.

16.05.12



В пять часов 16 мая ОккупайАбай разогнан полицией. Поводом стал иск в Басманный суд нескольких жителей дома №9 с Чистопрудного бульвара, которые жаловались на «шум, грязь и вытоптанные газоны». Оккупай переместился на Баррикадную, но на новом месте не удалось организовать кухню и спальные места, чтобы жить в лагере круглосуточно. Большинство активистов приезжали только вечером на ассамблеи, на которых обсуждался дальнейший план действий — каждый мог высказать свое мнение, а решение принималось голосованием.

На ОккупайБаррикадная по-прежнему чувствовалось народное единение. Помню девушку, которая приезжала с пакетами, набитыми бутербродами, чтобы накормить проголодавшихся активистов. Её бутерброд дал мне силы порисовать ещё пару часов. В другой раз пошёл дождь, и националисты подарили мне дождевик. Жизнь лагеря Оккупай отравляли полицейские: задерживали людей, крали еду, а однажды прихватили и коробку с пожертвованиями на лагерь. 19 мая ОккупайБаррикадная также разогнан полицией. В последующие дни были попытки восстановить лагерь, но каждый раз их пресекала полиция. Часть протестующих переместилась на Старый Арбат, где формат Оккупай выродился в уличные посиделки с мирными песнями под гитару, флиртом и болтовнёй на разные темы.

12.06.12



«Марш миллионов-2» начался от Пушкинской площади. Колонны анархистов и националистов шли по разным сторонам бульварного кольца, нацисты кричали оскорбления в адрес антифа. Завершился марш митингом на проспекте Сахарова. По оценкам МВД в мероприятии участвовало 18 тысяч человек, по оценкам организаторов – около 100 тысяч.

17.08.12



В Хамовническом суде объявлен приговор участницам «Pussy Riot». Надежда Толоконникова, Мария Алёхина и Екатерина Самуцевич получили по два года колонии общего режима. Вокруг здания суда собрались сотни сторонников панк-группы, начался стихийный митинг. Полицейские выдёргивали людей из толпы — подростков в цветных балаклавах, старух с плакатами, видных оппозиционеров — и закидывали их в автозаки.

15.09.12



После летнего затишья проходит самый малочисленный «Марш миллионов-3». Он повторил маршрут предыдущего марша. Между националистами и антифашистами происходит драка. В колонне коммунистов в затухании протеста обвиняют либералов. Либералы опасаются и правых и левых. Мероприятие было заявлено до десяти часов вечра, но уже к пяти часам люди начали расходиться. Сергей Удальцов призывал сотню оставшихся устроить майдан или вече. Удальцова арестовали в 22:01.

2012 год был переполнен событиями в политической жизни страны. Что изменили многотысячные митинги и марши, московские Оккупаи и процесс «Pussy Riot»?

Мы имеем: суды над «узниками 6 мая» и уже одного заключённого; законы о митингах; лидеров оппозиции, непонятных (и неприятных) большей части российского населения; провинцию, почти не затронутую протестом. С другой стороны: рост социальной активности и политического самосознания, который вряд ли был бы возможен без массового участия граждан в оппозиционных митингах и акциях. Я чувствую, что участие в протесте сильно изменило меня, и вижу, что мои знакомые — активные участники протеста, также изменились. Общий рост гражданского самосознания невозможно измерить в цифрах, но можно надеяться, что он себя ещё проявит.

Дилеммы движения

Разметка траектории общественного движения и попытка уловить его вектор неизбежно становится историей с продолжением, которая правит саму себя.

В январскую «Волю» #1(33) я предложил первые обобщения, озаглавив их «Движение перемен». Опыт декабрьских митингов я рассматривал через призму классовой мобилизации. Не пресловутого «среднего класса», в котором не признавали сами себя участники уличного протеста. А как пример исторической и редкой для России буржуазной нормализации, когда буржуазия переоткрывает себя в городском пространстве через спонтанное стилистическое сходство коллективного действия, прежде, сама того не подозревая, уже сформировавшись в центрах «достойного» потребления, таких как кофейни и торговые центры; локальных групповых инициативах, таких как группы общения и интернет–форумы; практиках управления собственной и чужой жизнью, таких как поездки за границу или помощь детским домам.

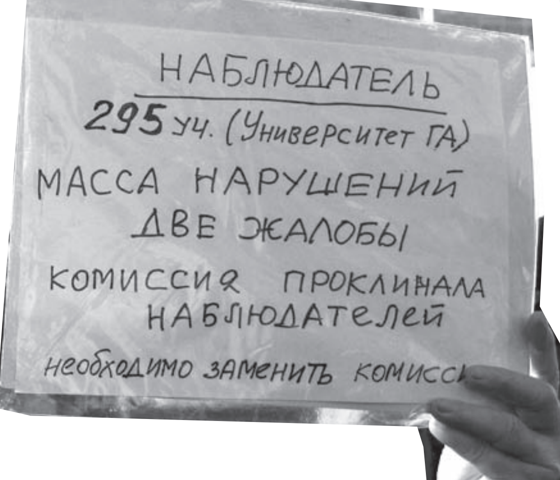
По мере сбора данных, который с тех пор вела исследовательская группа НИИ митингов, стало ясно, что описание участников движения как буржуазии было поспешным. Возможно, через год следует заново поставить вопрос, не оправданна ли эта квалификация в части политического и стилистического представления: лозунгов и требований движения, моделей его политического представительства и её фигур, достигнутых результатов. Но социальный состав массовых акций так или иначе куда разнообразнее и с эмпирической (образование, профессия), и с политической (социальные и политические предпочтения) точек зрения.

В «(Не) просто разговорах», «Воля» #5 (37), я констатировал, что участники акций дают интервью исследователям из НИИ митингов, кажется, даже охотнее, чем слушают недавних «звёзд» протестной сцены. Март заострил кардинальную проблему движения – отсутствие диалога между участниками, которая разрешилась лишь радикальной сменой формы протеста: переходом от выстроенных вокруг сцены митингов к диффузным общительным «оккупаям». Наконец, в статье «Куда движется движение», в «Воле» #6 (38), я опирался на уже ощутимый корпус интервью с акций и наблюдений после 6 мая. Тогда ключевым фактором развития ситуации стала полиция и выбор полицейским руководством способа действия: силовых провокаций на массовых акциях или относительного в них невмешательства. Как это часто бывает, реальностью стал третий вариант: невмешательство полиции в следующие массовые митинги и точечные силовые операции в перерывах между ними.

Сказалась ли эта тактика точечных репрессий на массовости движения? Было ли это более серьёзным ударом по спонтанному протесту, чем попытки оформить постоянное оппозиционное представительство в виде Координационного совета или символического саботажа митингов со стороны журналистов крупных СМИ? Можно сказать наверняка, что для кого–то, кто впервые выходил на митинги в июне и сентябре, точечные и очевидно неправовые аресты стали серьёзным поводом к тому, чтобы покинуть место зрителей перед экраном и присоединиться к движению. Как объяснил один из участников июньского шествия: «Прежде я сочувствовал митингам, но предпочитал наблюдать за ними со стороны. Когда я увидел, что арестовывают невинных людей, я понял, что больше не могу оставаться дома». Стоит отметить, что некоторым другим митингующим ещё 12 июня действия полиции представлялись оправданными, т.к. арестованные, по их мнению, «сами нарушили законы». Однако и это не удержало их от участия в митингах. В этом смысле силовой ответ властей на массовые акции доказал свою слабость. А следующая, сентябрьская акция проходила под знаком защиты политзаключённых. И собеседников, уверенных в правомерности действий следствия и полиции, уже не было.

Зато своё влияние в очередной раз продемонстрировали СМИ, ранее увеличивавшие и порой преувеличивавшие силу протеста, а в сентябре сыгравшие на понижение, сообщая митингующим о том, что они (прежде всего сами журналисты, но также все участники) «устали от митингов».

Коллизия численности уличных акций, которая по–разному подсчитывается полицией, журналистами, участниками – классика борьбы за символическую силу протеста. Двух–трёх– и даже пятикратный разрыв в данных – далеко не российская специфика. В любой стране активисты склонны преувеличивать, а полиция преуменьшать. Крайне интересна в этом смысле гипотеза, которую предлагает Влад Тупикин. Участвуя в уличных акциях с конца 80–х, намётанным глазом считая и пересчитывая митингующих последнего года, он уже в декабре–феврале утверждал, что честная средняя цифра – 30 тысяч участников. И цифра эта мало менялась от митинга к митингу, несмотря на уход части прежних и приход части новых митингующих. Основная же роль в лавинообразном росте числа участников принадлежала организаторам и журналистам. Именно в тот момент, когда сами журналисты «устали от митингов», они, наконец, стали видеть ситуацию более реалистично. Но приняли изменение собственной оптики за спад движения. Эта гипотеза интересна тем, что позволяет оценить не только силу протеста, но и силу сопутствующего ему образа, который



Москва в 2012 году. Фото: anatrrra

поддерживают журналисты. В этом смысле, СМИ и их работники – безусловно, важная часть движения, если сам протест не принимает радикально революционных форм.

Но сегодня важно иметь в виду не только силу и всеобщность движения, эти фантазмы любого протеста на подъёме. Не менее, если не более важным становится другое его измерение, которое можно обозначить уже старым словом «сознательность» или новым и даже отчасти отталкивающим словом «прагматика». По мере повтора митингов, из интервью от декабря к сентябрю становилось понятно, что в одном направлении полная социальная рассогласованность взглядов снижается. Всё чаще люди самых разных позиций, включая убеждённых либералов (по самоопределению) соглашались с необходимостью сохранить бесплатные образование и медицину, по меньшей мере для самых необеспеченных. Значит ли это, что движение стало социальным? Отчасти да. И свидетельство тому – научно–образовательная колонна, которая впервые вышла на митинг в июне, а в сентябре привлекала аполитичных участников так же, как в декабре–марте это делала колонна белоленточная. Но значит ли это, что большинство участников научно–образовательного блока с больших митингов согласны что–то делать по их окончании? Нет, не значит. На ноябрьском митинге в защиту образования (Москва) участников было существенно меньше: 300–500. И это естественным образом ведёт к следующему вопросу: способны ли участники массовых акций перевести общее неприятие системы власти в конкретные действия в своём районе или на своём рабочем месте?

В этом пока есть серьёзные сомнения и мало примеров, их опровергающих. Так, районные инициативы в Москве против строительства эстакад и хорд почти никак не связаны с митинговым движением и не используют его как образцовый опыт. Верно и обратное: неприятие авторитарных тенденций в политике редко становится поводом для изменения местного или профессионального контекста. Стало ли в крупных городах больше точек, где люди встречаются и обмениваются идеями, активизировались ли группы жителей в спальных районах, чаще ли работники требуют от работодателей соблюдения трудовых прав и свобод, протестуют ли участники митингов также против совершенно конкретных проектов мэрии по разрушению комфортной и экологичной жизни в городе? Речь идёт о локальных и рассеянных действиях, которые зачастую не громогласны, не пьянящи, мало освещаются СМИ. Между тем, только такой тип действия позволяет удержать впечатляющий и обнадёживающий опыт митингов и «оккупаев» в конкретной и долговременной форме. Хочется проиллюстрировать это примером из далёкой для нас области – далёкой географически, но отнюдь не политически.

Сначала цитата из интервью: «Один митинг не может изменить положения вещей. Двигаясь в центр города, показывая людям, чего мы хотим, давая увидеть это и тем, кто смотрит на нас с улицы, из окон, мы расширяем наше послание. Но чтобы изменить вещи, нужно что–то большее, чем митинг. Что? Не знаю. Что–то, что ещё не созрело. Но обязательно что–то большее, иначе ситуацию не сдвинуть. <...> Что мы сделали в нашей школе, как форму протеста? Мы её не оккупировали, мы организовали её совместное управление. Поскольку чувство протеста разделяли также родители, преподаватели, и даже директор оказал поддержку, вместо того, чтобы выстроить стену, разделив преподавателей и учеников, мы сделали что–то, в чём могут участвовать все – совместное управление. Два часа занятий, дискуссии, конференции, пригласили также журналистов. Это стало отличным опытом. Хотя трудно, когда в Риме оккупировано столько школ, сделать заметной новость такого рода. При том, что это очень важно. Чтобы показать, что ученики не хотят разрушать. Ученики хотят строить, достичь чего–то нового. И проекты совместного управления, вроде нашего, безусловно, привнесли более серьёзное осознание в школы, которые в них участвовали» (24 ноября 2012).

Знакомьтесь: Луиджи, ученик последнего класса итальянской средней школы, 16 лет. Трудно не признать, что его речь звучит сознательнее, или прагматичнее, чем у многих 40–летних участников российских митингов. Исключителен ли его опыт? Нет. Просто за его плечами – роль представителя от учеников в административном совете лицея, участие в координации школьных инициатив севера Рима, организация общих собраний в школе и в районе, четыре года участия в митингах. К 16 годам у него ещё нет ясных политических предпочтений, о чём он говорит, немного смущаясь. Но он уже сформировался как общественный активист, способный переводить вопросы общего блага в конкретные организационные формы, практику дискуссий, коллективное принятие решений и общественные кампании. Среди нескольких школьников, с кем я пообщался на том же марше в Риме, были те, кто самостоятельно изучал новый закон об образовании и делился с одноклассниками, те, кто постоянно следит за развитием публичных дебатов о законе по сетевым версиям «взрослых» национальных газет, молодёжь обоих полов, просто разделяющая требования митинга и при этом способная чётко их воспроизвести с несколькими личными аргументами и иллюстрациями опасностей реформы. Причем политика для них – примерно такой же неверный и неопределённый мир, как и для большинства российских участников. Однако, как и для Луиджи, «что–то большее, чем митинг» для них – это вместе с тем и нечто вполне осязаемое, малое, далеко не всегда столь же зрелищное, как яркое шествие или сит–ин перед министерством.

«Скажи, есть ли у тебя чувство, что ты принадлежишь к какой–то социальной группе, классу?» – продолжаю я допытываться у Луиджи. «На культурном уровне – да. Думаю, он достаточно показателен. Я никогда не выносил элитарную, аристократическую культуру, зарезервированную за немногими. Такие вещи должны быть доступны всем социальным слоям: как народу, так и буржуазии, если мы решим воспользоваться таким языком. И наш протест может быть понятен всем, поскольку его мотивы затрагивают всех».

Кроме прочего, он рассказывает мне о том, что ученики его школы не могли настаивать на длительной забастовке, поскольку за пропущенные дни учителя теряют в зарплате. А также о



том, что собирается поступать в университет на философию, хотя совершенно отчётливо понимает, что стать преподавателем по этой специальности в Италии сейчас практически невозможно: перспектив карьеры у выпускников нет и в ближайшее время не предвидится. Но именно поэтому нужно что–то делать, создавать новые пространства, организовывать дискуссионные и практические группы, информировать людей о растущем неравенстве доступа к культуре.

Даже если Луиджи и его сверстники ужасно симпатичны в их неробком восприятии реальности и готовности на неё влиять, я далёк от того, чтобы ставить их в укор несознательным и непрактичным участникам российских протестов. Чтобы такая сознательность возникала органично, нужна, конечно, не только расширенная система партийного представительства (при всех различиях, проблемы с большими партиями в Италии весьма напоминают российские). Нужен вполне рутинный и неоспоримый опыт низовой демократии: школьные советы, ассоциации в жилых районах, координация по учебным и профессиональным объединениям, решения которых действительно влияют на ближайшие жизненные обстоятельства.

Всё это в очередной раз только начинается в России. А значит, есть шанс, что через десять или двадцать лет подростки, похожие на Луиджи, будут возвращаться с митингов в свои школы, чтобы управлять ими совместно с учителями и родителями. Несмотря на Берлускони, П***на и любых иных любителей вертикали. Но чтобы такое было возможно, начинать нужно уже сейчас. Иначе снова будет упущен момент, на смену ему придёт разочарование, затем последует апатия. И только через 20 лет, словно ничего не было прежде, на улице вдруг снова встретятся несколько десятков тысяч людей, чтобы восхититься прекрасными лицами друг друга. Не вздохнём ли мы, свидетели и участники сегодняшних событий, с ревнивым разочарованием? Не останется ли нам лишь желчно забубнить, что «мы это уже проходили»? Совсем этого не хочется. Но как перейти от общих лозунгов к конкретным делам во имя общего блага? Действовать локально – это умение, которого можно достичь только личным опытом и экспериментами. Нельзя приобрести его иначе, чем окинув критическим взглядом место работы, учёбы, жизни и не спросив себя: что прямо сейчас я попробую сделать?

Александр Бикбов, социолог

Общество проигрывает в классовой войне с государством

На вопросы «Воли» отвечает анархо–коммунист, доктор исторических наук, сотрудник Института всеобщей истории РАН и активист общественного движения Вадим Дамье (53 года, Москва)

Есть ли ощущение, что этот год прошёл зря? Каковы были главные провалы общественного движения за этот год, кто в них виноват и как избежать подобных провалов в будущем?

Для либертарного движения год, к сожалению, полностью «прошёл зря». Либертарии в очередной уже раз ввязались не в своё дело. Примкнув сначала к кампании «за честные выборы», а затем – к маршам за «Россию без П***на», они не только дискредитировали себя, выступив фактически в союзе с либералами, неосталинистами и нацистами, но и снова наступили на те же грабли, вляпавшись в беспринципную политику. Пока общественный потенциал недовольства растрачивался по мелочам, власти «под шумок» активизировали наступление на социальные права, разгром доступной медицины и образования, клерикализацию страны и принятие новых репрессивных законов. Когда на пустые политические шествия собираются десятки тысяч людей, а на митинги по социальной тематике – жалкие сотни, я называю это полным провалом.

Всё ли, что могли, сделали анархисты и левые для того, чтобы занять своё место в общем протестном движении? Или, возможно, анархистам и левым стоило разрабатывать какую–то свою повестку и предлагать её обществу отдельно от «болотного» протестного движения?

Следовало с самого начала выдвинуть свою собственную программу социальных требований и отстаивать её отдельно от оппозиционной политической коалиции. Страх «оказаться немногочисленными», боязнь «сектантства» опять сыграла с радикалами дурную шутку. Между тем, бояться здесь совершенно нечего, потому что, как показал опыт, мобилизационные возможности радикальных левых в потенциале не меньше, чем у любой другой силы. Они в состоянии вывести на улицу не меньше людей, чем, скажем, «альтернативные» профсоюзы. Вот только использовать этот свой потенциал они пока не умеют.

Чего вы ждёте от наступающего вскоре 2013 года с точки зрения перспектив общественного движения? Какие задачи ставите перед собой лично, перед вашей политической группой, если вы входите в какую–то группу, перед вашим социальным слоем, если вы чувствуете с ним родство и готовы выдвинуть для него социальные задачи на обозримый период?

Честно говоря, смотрю на грядущий год без большого оптимизма. Пока что мы не в состоянии остановить наступление на простых людей, которое всё мощнее идёт сверху. В классовой войне по нам открыт шквальный огонь, а общество реагирует робко и вяло. К сожалению, не думаю, что за год здесь что–то изменится. Остаётся одно: продолжать поддерживать очаги социального сопротивления, пытаться соединять их вместе, придавать им импульс и помогать их освобождению из–под влияния партий, политиков и бюрократических структур.

Фото: anatrrra, 2012 год



Иркутск: в общем, всё как всегда

Первая годовщина массовых московских поствыборных акций протеста, не слишком широко отмечаемая сейчас в тусовках политологов и оппозиционеров, почти совпала с 25–й годовщиной первой в Иркутске, – а по некоторым данным и в СССР, – массовой демонстрации, состоявшейся в ноябре 1987 года.

Это символическое совпадение даёт возможность выстроить не слишком притянутую цепочку аналогий и прогнозов о будущем протестного движения и общественно–политической ситуации в целом.

Четверть века назад иркутяне вышли протестовать против строительства трубы, по которой сточные воды Байкальского целлюлозно–бумажного комбината планировали перебрасывать за много десятков километров в реку Иркут, впадающую в Ангару как раз посреди областного центра. Протест сразу стал массовым, его поддержали некоторые официальные структуры (вроде профсоюзов), а после быстрого успеха и отмены безумного проекта от массового движения осталось несколько конфликтующих и конкурирующих друг с другом групп. Чуть позже эти группы стали зародышами партийных организаций, ни одна из которых, впрочем, не добилась ничего большего, чем один–два депутата в областном совете. Спустя четверть века от протеста осталось лишь несколько ветеранов, о подвиге которых никто не помнит, небольшие упоминания в статьях в научных журналах – и просека от не проложенной трубы.

Политические процессы, как принято считать, сильно ускорились (застой, например, наступил уже на двенадцатом году существования системы, а не на шестидесятом) и сейчас у нас, похоже, краткий период выборочных репрессий против политических и общественных активистов. Иркутскую область сия напасть обошла стороной по причине отсутствия сколько–нибудь значимых фигур, пригодных для раздувания политических судебных процессов. Это вовсе не означает, что общественное движение сошло на нет и вся политическая жизнь отдана на откуп политикам, входящим в состав четырех парламентских партий.

Главным событием декабря, судя по всему, станет реакция общественности на обнародованный в ноябре список неэффективных вузов – в нём оказались сразу четыре иркутских учебных заведения: сельскохозяйственная академия, медицинский и лингвистический университеты и педагогическая академия. Первым двум практически сразу было сказано, что им дадут шанс исправиться, а вот педагогическому (ВСГАО) и лингвистическому (ИГЛУ) вузам повезло меньше – им предстоит реорганизация. Иркутск уже пережил одну такую «реорганизацию» – в начале 2009 года была ликвидировано Иркутское высшее военное авиационное училище, учебное заведение с дореволюционной историей. Так что нет ничего удивительного в том, что уже спустя несколько дней из уст почтенных профессоров стали звучать нелицеприятные характеристики сначала в адрес министра образования Ливанова, затем в адрес федерального правительства, а там уже, минуя все промежуточные стадии и не спотыкаясь более на персоналиях, и всей политической системы в целом. Прозвучали выражения настолько непарламентские, что даже бывшие члены НБП, понимающие, почём нынче фунт экстремизма, нервно вздрагивали. Студенты, плохо обученные (положа руку на сердце, надо признать, что в претензиях министерства к качеству выпускников этих вузов есть изрядная доля правды) и оттого плохо понимающие, к чему может привести их болтовня, пообещали выйти на защиту своих вузов «с вилами в руках».

И 7 декабря действительно вышли. Митинг получился не слишком людным (всё–таки мороз под –30 С не способствует тусовкам на свежем воздухе), зато для студентов ВСГАО это уже второй год борьбы подряд – в 2011 году они уже защищали свою альма–матер от попытки минобра поставить у руля вуза ректора со стороны. На митинг явился губернатор и обещал, что обо всём договорится – некоторые сделали вид что поверили, большинство снова вспомнило ИВВАИУ: тогда звучали точно такие же обещания. Вузы готовятся к продолжению борьбы.

Чуть менее низкого градуса достиг кризис в Иркутском государственном университете, где недавние выборы ректора обнажили огромное количество проблем, которые уходящий с поста ректора Александр Смирнов старательно скрывал. Три взбудораженных вуза для области, где в следующем году предстоят выборы в Законодательное собрание – более чем достаточно для того, чтобы ситуация перестала быть томной.

А тут как назло подоспел и кризис в региональном отделении «Единой России». Делегаты очередной партийной конференции, случившейся 4 декабря, не только выбрали руководителем регионального отделения многократно провалившего всё порученное экс–заместителя губернатора Сергея Брилку, но и прокатили при выборах в региональный политсовет авторитетнейшего предпринимателя Виктора Круглова, за которым стоит по сути не только комбинат «Саянскхимпласт», но и целый город Саянск. Виктор Круглов известен как один из отцов–основателей регионального отделения ЕР, был председателем областного Законодательного собрания (он до сих пор остаётся депутатом ЗС) и считается автором интриг, приведших к отставке двух иркутских губернаторов. Как минимум, нанесённое ему оскорбление ведёт к конфликту внутри регионального отделения ЕР, а в отдалённой перспективе может привести к поражению правящей партии на следующих выборах в ЗС.

Новые политические партии, – а минюст, как известно, зарегистрировал уже с полсотни уставов и программ разной степени шизофреничности, – пока не обратили своё внимание на далёкий сибирский регион, зато местные активисты разной степени адекватности уже ищут себе ярлычок поприкольней. Группа «Гражданский Иркутск», организовавшая прошлогодние декабрьские митинги и пикеты, ставшие слабым подобием московских акций, уже ведёт переговоры с партией политического маразма «Яблоко». Яблочники так удивлены этой неожиданной инициативой, что не скрывают недоумения: им было так уютно в их болоте, а их снова тащат на баррикады...

В общем, в Иркутске обычный декабрь – с позиционными боями между парламентскими партиями, закулисными манёврами администрации губернатора и партизанскими рейдами оппозиционных групп. Нормальный декабрь 1919 года...

Василий Громов

Год разноцветного хомячка

Подходит к концу 2012–й. А начался он, как всем известно, 5 декабря 2011–го. С этой даты, возможно, историки времён «космического полдня» будут отсчитывать «короткий XXI век» в России. Но длинный 2012 год заканчивается. А что–то новое, ещё неведомое и не успевшее осознать само себя, близится к своему началу.

Делать прогнозы в такие времена – дело неблагодарное (даже рассудительно–пессимистический Ленин начала 1917–го сумел в этом деле оказаться смешным). Сколько копий успели переломать по поводу «арабской весны»! Она успела всех воодушевить своим подъёмом и всех вокруг испугать ужасами исламского фундаментализма. Но сейчас, когда я пишу эти строки, каирская площадь Тахрир вновь полнится протестующими, теперь – против нового клерикального президента–фараона. И, может быть, настоящая весна только начинается.

А что ж у нас?.. Наглая полицейщина и вольная стихия улицы встают во весь рост и мобилизуются навстречу друг другу. Состояние властей напоминает злобное отчаяние. Отсюда – напрасные метания в поисках какой–нибудь убедительной идеологической доминанты. Думали обрести её в православии. Но иерархи РПЦ со своими бесстыдными аппетитами стали уже глухой угрозой для светской бюрократии, зато сумели вызвать к себе народную ненависть. И вот надоевшая игрушка, похоже, российскими властями выброшена или, по крайней мере, пылится в углу. На смену ей пришёл «антикоррупционный» пафос. Путин, собравшись с последними силами, примеряет на себя костюм Навального. Но и будущая судьба народного мнения о Навальном покрыта мраком (кто помнит сейчас имена Гдляна и Иванова, площадных «борцов с советской мафией»?). Привластные же его антагонисты вовсе рискуют оказаться в смешном положении – и уже оказываются, оправдываясь, что годами знали, но «не хотели спугнуть» расхитителей. Коррупция – лишь частное зло в современном мире, где норовят продавать и покупать решительно всё. И тем не менее борьба власти даже с этим частным злом либо является суицидом (во что никто не поверит), либо ведёт к постепенному выставлению самой себя на посмешище.

Репрессивная машина неутомимо работает, но ей всё труднее обеспечивать собственные удовлетворительные результаты. Полицейские органы неспособны (с долгой отвычки их сотрудников думать) даже непротиворечиво сформулировать свою, пускай фантастическую, версию событий. Оттого и оказывается у них, что «массовые беспорядки» 6 мая финансировались по июньским (!) договорённостям, и эти–то признания выбивали из Развозжаева, и всё равно всё вышло наружу. Людоедский приговор покаявшемуся за 6 мая Лузянину (4,5 года заключения) может научить всех посещавших площади только одному: сотрудничать со следствием – дело последнее и гиблое не только в этическом, но и в прагматическом плане. Освобождение узников «болотного дела», выхваченных из людского потока по «шахматному» принципу, становится вопросом общей безопасности (если даже оставить в стороне личные чувства). Незадачливые же наследники Вышинского едва ли ожидали того, что практически все подследственные – люди «незнатные» в политике, непропиаренные в СМИ и исходно не снабжённые толпами поклонников – проявят стойкость и принципиальность, не растеряются и не дадут требуемых липовых показаний, даже под угрозой потери зрения в тюрьме (как Акименков). Теперь следаки ищут новые статьи и обвинения. Но каковы бы ни оказались дальнейшие приговоры, моральная победа в любом случае остаётся за обвинёнными.

События минувшего года успели обрасти мифами, вера в которые порой объединяет власть и верхушку оппозиции. Таков запущенный Сурковым миф о «креативном классе». Разумеют ли под ним образованную среднюю буржуазию? Но она не составляла большинства ни на одном из массовых митингов и не отличалась единодушной поддержкой протестов. К ней вовсе не относятся «Pussy Riot», чьи акции пом креативности отчётливо затмили все прочие творческие выступления года. Само начало волнений в декабре стало для традиционных политических активистов такой же неожиданностью, как и для властей. «Креативности» мнимых властителей дум хватило лишь на выборы мертворождённого КС, касательно которого даже обозреватели «Эха Москвы» не всегда понимают, где это он такое и чем он занят. Тот факт, что при таких «лидерах» массовые протесты волнообразно продолжаются, говорит о полной никчёмности и самозванстве верхушки многопартийного клубка. А её упорное стремление привлечь к своей деятельности горстку агрессивных националистов, а также долгое игнорирование социальных тем свидетельствуют и о незнании настроений недовольной массы. Завышенная самооценка либеральных пиарщиков ярко проявилась в деле «Pussy Riot», бывшие адвокаты которых неожиданно сочли главными персонажами разворачивающейся драмы самих себя, а не Толоконникову, Алёхину и Самуцевич, принесших им известность. Между тем умение проигрывать дела (даже явно заказные) – это ещё не признак адвокатского успеха. В итоге участницы панк–группы не позволили адвокатам цензурировать свои

КВИР СПАСЁТ МИР

антирыночные и феминистские взгляды. Зато цензурированием активно занялось государство...

Нынешние волнения любят сравнивать со свободолюбивой волной конца 80–х. Сравнение впрямь напрашивается. Но налицо и некоторые отличия. Митингующие периода заката СССР были (возможно, по советской же инерции) куда больше ориентированы на поиск вождей и харизматических фигур. На Болотную же и проспект Сахарова, как правило, приходили не за ораторами. Приходили поделиться своими болью и смехом и объединиться с другими такими же «рядовыми» людьми. Это даёт надежду на лучший, чем четверть века назад, конечный результат.

Многое, конечно, вызывает и тревогу, и не только государственные механизмы. Не утихают кровавые вылазки нацистов. Явились на сцену догхантеры (а по–настоящему – просто убийцы–живодёры). Гомофобная истерия откровенно подогревается властями. Религиозные фанатики–изуверы, разбуженные клерикальными поползновениями П***на, долго ещё не смогут успокоиться. Страдания животных в неблагоустроенных зверинцах, в цирках, на охотничьих притравочных станциях не поддаются разумению, и за эту тему широкие протестные массы ещё не взялись по–настоящему. Масштаб экологических – да и социальных проблем таков, что без полного переформирования экономики и всей жизни на началах взаимопомощи они не могут быть решены.

Вертухаи на зонах всё так же чувствуют себя хозяевами, как было это хоть 30, хоть 75 лет назад. И всё же что–то трогается, как стронулось после зэковского восстания в Копейске, где лозунги – на обозрение вольным – писали на простынях КРОВЬЮ. И вот уже при известиях об издевательствах в ростовской колонии власти–таки шевелятся... Тюрьмы – всегда зло. Эту мысль нашему обществу ещё предстоит – но, по–любому, необходимо – воспринять.

Известия о забастовках в Европе, протестах в Америке, новых волнениях в Египте сигнализируют нам о том, что мы – не одни. И это вновь обнадёживает. Ведь наша планета – единый континуум, не только природный, но и общественный. Особенно сейчас.

Все мы – люди и звери любого пола – связаны между собой. А в то же время каждый и каждая из нас – целая вселенная, чаще всего не раскрывшаяся до конца, заваленная мусором страхов и предрассудков, посеянных государственной пропагандой и коммерческой медиа–индустрией. Наши разноцветные марши и митинги, пикеты и перформансы, свободные прогулки и оккупаи – не только праздник непослушания. Это также праздник самоузнавания и узнавания взаимного. Выход из клеток навстречу друг другу. Пока из клеток могут выходить не все, по внешним или по внутренним причинам. Но мы будем... только нет – не работать, а творчески преобразовывать наш мир, расширяющийся на глазах.

Какова роль анархистов в происходящем? Она довольно заметна, и это хорошо. Негоже сидеть дома в дни народных штормов. Хочется лишь пожелать российскому анархосообществу быть в большей степени равным самому себе. Без защиты равенства всех живых существ всем нам век свободы не видать. Ни класс, ни пол, ни возраст, ни стиль одежды, ни сексуальная ориентация, ни своеобразие телесного или душевного развития, ни учёные регалии, ни вероисповедание (или отсутствие оного), ни даже принадлежность к биологическому виду не должны воздвигать препятствий на ОБЩЕМ пути к свободе и справедливости. Не говоря уже о препятствиях грубо–физических: узники и узницы дела 6 мая, дела «Pussy Riot», все гонимые за свободу должны выйти на волю.

Александр Малиновский

Москва в 2012 году. Фото: anatrra



Свободу политзаключённым!
Яндекс.Деньги - 41001188576819

Итоги и перспективы протеста

Редакция «Воли» задала своим авторам и товарищам по общественному движению ряд вопросов об итогах прошедшего года протестов и о перспективах на будущее.

1. Есть ли ощущение, что этот год прошёл зря?
2. Каковы были главные провалы общественного движения за этот год, кто в них виноват и как избежать подобных провалов в будущем?
3. Если были всё же достижения и светлые моменты, то что вам запомнилось больше всего эмоционально и что вы считаете главными достижениями общественного движения за год, если подойти к вопросу аналитически?
4. Всё ли, что могли, сделали анархисты и левые для того, чтобы занять своё место в общем протестном движении? Или, возможно, анархистам и левым стоило разрабатывать какую–то свою повестку и предлагать её обществу отдельно от «болотного» протестного движения? Каковы были наибольшие достижения и наихудшие провалы анархистов и левых за этот год, с начала декабря 2011 года?
5. Чего вы ждёте от наступающего вскоре 2013 года с точки зрения перспектив общественного движения? Какие задачи ставите перед собой лично, перед вашей политической группой, если вы входите в какую–то группу, перед вашим социальным слоем, если вы чувствуете с ним родство и готовы выдвинуть для него социальные задачи на обозримый период?

Активисты слишком упоённо пестовали свой элитаризм

На вопросы «Воли» отвечает анархо–коммунист, кандидат философских наук, активист общественного движения **Арсений Тихонов** (27 лет, Петроград)

1. Напротив, есть ощущение, что он прошёл не зря: он принёс обществу новый опыт коммуникации – не принудительно коллективной, как в советское время, не конкурентно–индивидуалистической, какова процветает в обществе потребления, и каковую вообще с натяжкой можно назвать человеческой коммуникацией, но коммуникации подлинно горизонтальной и живой, творческой, интерактивной. И это оказалось совершенно новым для российского общества – новым и доказывающим принципиальную возможность построения альтернативных форм общественной и политической жизни. Теперь это стало возможно хотя бы помыслить. Кроме того, в этом году власти показали своё истинное лицо – консервативный авторитаризм и готовность к скорым репрессиям. Теперь игра идёт открыто: народ напрямую называют быдлом и скотом, принимаются драконовские законы против всего, что осталось здесь демократического, – ради введения новых форм контроля, идеологической пропаганды и муштры (взять хотя бы реформы в системе образования). Этого уже сложно не заметить, и это даёт шанс на то, что люди, наконец, решатся на какие–то ответные шаги. Это обнадёживает. Хороший был год.

2. Главный провал, на мой взгляд, – сконцентрированность протеста на переживании самого себя, а также излишняя элитарность его форм. Главной ошибкой было тотальное погружение в беспрецедентную радость от происходящего – вместо разработки проектов работы с теми, кто не в курсе, не в теме, с теми, кто не понимает, что происходит, вместо налаживания контактов с ними – с людьми нашего общества, не считающими себя авангардом или даже просто субъектами истории – для того, чтобы понять, чего хотят они сами или чтобы спровоцировать их на понимание этого, для того, чтобы воодушевить их на борьбу за их мечты и свободы. Но не такими «просветительскими способами», как это делалось в ряде случаев, когда народ даже оппозиционерами понимался как толпа несмышлёных обывателей, а сами оппозиционеры воспринимали себя как тех, кто несёт «свет в массы». Элитарная изолированность и просветительство – вот основные проблемы общественного движения минувшего года.

3. Эмоционально больше всего запомнилось шествие, кажется, в феврале – когда мы в Петрограде шли от БКЗ до Владимирской площади, падал снег, на редкость огромная колонна скандировала, пела, к ней присоединялись прохожие, а в окнах домов по обе стороны дороги стояли улыбающиеся люди с протестными плакатами, размахивали руками и кричали слова солидарности – дети, женщины, мужчины, старики, – и ветер выхватывал из их открытых окон занавески и развевал их над пространством улицы. И каждый говорил с незнакомыми ему людьми, и это было легко, приятно и важно, значимо.

Аналитически главным достижением считаю освоение форм горизонтальных отношений в обществе, на базе этого опыта было сформировано множество инициативных групп в разных областях – наблюдателей на выборах, в эко– и градозащите, в правозащите и др. Люди пытаются быть полезными обществу – видя, что это делают другие, видя, что это может приносить результаты. Говорю это не только как политактивист, но и как активист градозащитной группы, в которую множество людей пришли, именно осознав возможность горизонтальных контактов и прямого действия. В климате общества точно что–то изменилось. Я думаю, это огромная победа общественного движения 2011–2012 гг.

4. Наихудшим провалом анархистов в этом году считаю гиперсубкультурность и скрытый элитаризм, предельную оторванность от реального общества. Наибольшим достижением анархистов считаю практику живого микрофона на демонстрациях. Насчёт повестки: да, пожалуй, собственная повестка была бы кстати.

5. От наступающего года хочется ждать большей серьёзности и открытости в деятельности политических активистов, меньшей преднамеренной маргинальности и элитарности, меньшего куртуазного просветительства; также хочется верить в рост низовых гражданских инициатив – например, хочется большей готовности граждан защищать свои города от коммерческих посягательств и надругательств правительственных буржуев, большей готовности бороться с вырубкой лесов и парков. Чем больше возникнет таких инициатив, тем больше шансов и у общественно–политической борьбы, потому что живое общество, общество, вернувшее себе коммуникацию, энтузиазм, инициативность – это такое общество, которое не сдаётся просто так, и которое знает, что ему нужно, и видит, что в нём реально происходит; это общество, которое может защитить само себя и всё, что ему дорого. И это – самая настоящая политика. Многие задатки к такой политизации появились в 2012 году. Хочется верить, что они не погибнут от разочарования

в отсутствии быстрых перемен и побед, но, напротив, разовьются до такой степени, что «стены рухнут», и можно будет говорить о качественно новой стадии развития общества.

Основной фронт — борьба за сферу образования и идеологию

На вопросы «Воли» отвечает художник, член группы «Что делать» и редактор газеты «Что делать» **Дмитрий Виленский**

1. Никакой год зря не проходит – проблема этого года, что он дал необоснованное основание надеждам на то, что какие–то существенные перемены в обществе могут произойти в отсутствие реальных организационных структур, каждодневной работы и ярости идти до конца. И было бы очень обидно ничему на этом опыте не научиться – тогда он действительно пройдёт зря.

2. Я думаю, все участники движения могут винить прежде всего себя и прежде всего за тот градус истерической эйфории, мало чем подкреплённый в реальности. И за это понятно, что приходиться расплачиваться, психологически и не только. Можно анализировать причины, почему оппозиция пришла к моменту выборов полностью дезорганизованной, а создать новые структуры в ситуации ажиотажа и за короткий срок совершенно нереально. И как раз тут надо было сразу настраиваться на длительный забег, а не делать вид, что завтра будет уже финиш и «прогнившая» власть падёт сама по себе. На мой взгляд, предпосылок преодоления путинизма сейчас ещё крайне мало. Если бы было иначе, то у нас, помимо скромного по численности «демонстрационного движения» в Москве, были бы налицо и другие факторы кризиса власти: как это принято всегда, в форме стачек, забастовочных комитетов, крепких массовых партийных структур, радикальных милитаризированных отрядов, способных вести децентрализованную борьбу в самых разных местах и т.д. Ничего этого пока нет, и не очень понятно как возникнет. Сейчас мы видим как чётко выстроенное давление власти аукается в обществе говорением о новом 37–м годе, жёсткий психологический прессинг арестованных взрывается разговорами о пытках (пытают сейчас в России массово пока не оппозиционеров, а самых простых людей и делают это уже десятилетиями). Провалы будут идти и дальше, если не будет создано по–настоящему демократической, дисциплинированной и массовой партийной организации, способной не просто репрезентировать широкий спектр различных мнений, но и быть сформированной этими мнениями.

3. Мне очень понравилось движение независимых наблюдателей. Стало понятно, что внутри общества есть реально «здоровая» часть, способная думать об общем. Было очень много достойных публикаций, демонстрирующих, что в обществе есть достоинство, есть солидарность, есть сознание.

4. Я думаю, что левым стоило, прежде всего, не входить во всякие «альянсы» вместе с нацистами, даже учитывая преимущества практического политического тренинга, занятие это довольно бессмысленно, как и все эти псевдоструктуры, не имеющие никакой реальной легитимности. Если бы левая оппозиция потратила хотя бы часть ресурсов, брошенных на эти кампании, на что–то другое, то по любому это могло бы дать, на мой взгляд, больший эффект.

Повестка у всех и так давно разработана – проблема в том, что она оказывается не коммуницирующей с обществом. Почему? По целому комплексу причин, как объективных (всё ещё трудно преодолеть отторжение левой риторики у большинства), так и субъективных – риторика не меняется и не соотносится с новой классовой композицией общества и способом производства. Нужно меняться, а не отманивать симпатизантов компартии (это я тут прежде всего про «Левый фронт» говорю), – а для этого нужны воля и ресурсы.

5. Трудно сказать: ситуация достаточно непредсказуема. На сегодня, мне кажется, всем очевиден серьёзный кризис протестного движения (развитие ситуации вокруг Pussy Riot, работа недавно выбранного КС, да и в целом в мире всё обстоит совсем не радужно, что на руку путинизму) – очевидно, что всё будет зависеть от того, как поведёт себя «чёрный ящик» власти, о котором нам мало что известно, и от расстановки сил внутри него будет зависеть какое–то изменение ситуации. Как активист, сосредоточенный на работе в культуре, член коллектива «Что Делать» я думаю, что важно продолжать делать то, что мы и так делаем уже последние десять лет: «образовывать образованных», «воспитывать воспитателей». Я имею ввиду необходимость появления нового класса «органических интеллектуалов», той самой по–настоящему просвещённой интеллигенции, вышедшей из народа, которая и сделала нашу страну таким уникальным местом. При этом я довольно критически и скептически (при всей человеческой симпатии) отношусь к «народническим проектам» в современном политической ситуации (при том понятно, что они важны и необходимы). В этой ситуации тотального контроля общественной жизни через идеологию принудительной «социальной гармонизации» (по китайской модели), потребительства и репрессий против всего того, что этому пытается сопротивляться, мне кажется, предельно важно анализировать и участвовать в культурном производстве с чётким осознанием, что ты находишься на передовых позициях идеологической войны и, возможно, сейчас это и есть главная сфера борьбы за будущее. И тут у левых, в принципе, не такие уж и плохие позиции стратегически, – так как эти процессы имеют опосредованное отношение к массовости и, скажем, одна или пара публичных фигур способны серьёзно менять общественное мнение, если не сейчас, то через пару десятилетий. А если их станет больше? Над этим, собственно, и стоит работать, и когда у нас возникнет новый просвещённый класс «воспитателей», только тогда будет возможность проводить массовую образовательную работу, без которой никакие реальные изменения в обществе не возможны. Но пока мы тоже вынуждены перейти на оборонительные рубежи в ситуации массированной клерикальной и неоконсервативной атаки на базовые основы критической и светской мысли и культуры. Отбить её сейчас – главная задача. Так что мне видится, что основной фронт борьбы на сегодня – это борьба за образовательную сферу и идеологию. Понятно, что она должна соотноситься с другими фронтами работы, но игнорирование культурной политики со стороны протестного движения – это серьёзная ошибка.



Петроград в 2012 году. Фото: Арсений Тихонов

Мама-анархия, её подруги, дети и возлюбленные

Ирина Сисейкина.
Мама–анархия. Петербург, ШSS, 2012

Бурные народные приливы и отливы нынешнего года размыли границы протестного активистского гетто. Положили конец его почти 20–летнему замкнутому существованию, окружённому безбрежным океаном массовой политической летаргии.

И всем вдруг стало ясно: протестное сообщество никогда не было для социума полностью инородным телом, а отвечало за очень важную его функцию. Пришло время осмыслить деятельность социально–политических активистов не только в идеологическом плане, но и в психологическом, человеческом. Наконец – в плане художественном. Ведь не всё же пробавляться жестоковыйно–националистическими писаниями Прилепина, хоть респектабельная «большая пресса» почему–то и сочла его самым что ни на есть революционером.

Литературные произведения, посвящённые судьбам сопротивлявшихся ельцинско–путинскому безвремeнью, мало–помалу начинают появляться. Заговорила и «тяжёлая артиллерия» – романы. «Мама–анархия» Ирины Сисейкиной занимает среди таких новых книг весьма заметное место. Собственно, этот роман был написан в 2007–2010 годах и с тех пор вывешен на ресурсе proza.ru. Но именно сейчас – и это по–своему символично – он стал доступен в бумажном издании. Сисейкина давно известна внимательным читателям как переводчица западной нонконформистской литературы. Теперь – и как талантливая, зрелая писательница, вполне самостоятельная по отношению к существующим (пусть и контркультурным) образцам.



На фото Арсения Тихонова: анархистки 2012-го, Петроград

Кто охоч до экзотической неформальской «этнографии» – найдёт у Сисейкиной и её. Но не это в книге главное. Главная героиня «Мамы–анархии» на протяжении 15–ти внутрироманных лет проходит путь от весёлой пункерши, готовой призвать окружающих к сносу существующего порядка, до «обыкновенной» женщины, совестливой, ответственной и заражённой печальным скептицизмом. И всё равно несущей в своей душе жаркий огонь, зажжённый мятежной юностью. В основе сюжета, несомненно, лежит личный опыт писательницы. Тем не менее, она не равна своей героине. Иначе эта книга – с её трезвым, порой беспощадным психологическим анализом – просто не могла бы появиться. Да и героиня не равна самой себе. Для читающих она становится полноценной собеседницей и (как многие, с кем мы общаемся изо дня в день) порой излагает одни и те же события, возвращаясь к ним снова и снова, чуть под разным углом. Недаром она – и Ёжик, и Женя, и Евгения Дмитриевна. И порой колеблется, рассказывать ли о себе в 1–м или в 3–м лице. Облик всей реальности то туманится, то постепенно проясняется. А главный вопрос героини – «для чего жить?» – остаётся в своей пронзительности без внятного ответа – и именно потому остаётся вместе с читателем, закрывшим последнюю страницу.

Суровые будни и весёлые праздники анархистов проходят перед нами, преломленные через призму личных драм героини. На одном полюсе – заразительно–светлый Ник, свободолюбивый, неприхотливый и неизменно–любознательный. На другом – последующая любовь героини: «истинный» мачо, как будто свободный, но пустой и по сути страшный. Идеал мужчины, навязываемый патриархатом, разоблачён здесь столь же безжалостно, сколь убедительно показан и человеческий идеал, ему противоположный.

Несмотря на отзвук глухой печали, которым сопровождается финал книги, «Мама–анархия» пробуждает–таки в читателе веру в чудо. В чудо того реализма, который потребует и добьётся невозможного. Недаром и Евгения Дмитриевна работает в реанимации. Воскрешает людей. Получится? Не получится?.. Минувший год, может быть, даёт новые ответы на поздний скептицизм героини, на её уверенность в том, что революция проиграна. А деятельная оголтелость потерянных ею друзей – Кристмаса и Шершня, готовых к тюрьме ради спасения Байкала, загорается новым смыслом.

О книге Ирины Сисейкиной можно было бы написать гораздо больше – и наверняка ещё будет написано намного больше, чем позволяет формат этой рецензии. Нарисованный ею мир московских анархистов далёк от идиллии. И всё–таки, узнав его, уже не хочется никуда уходить.

А. М.

С карандашом и тушью против патриархата

Влад Тупикин

В октябре-ноябре в течение месяца в Москве работала первая выставка женской социальной графики «ФЕМИНИСТСКИЙ КАРАНДАШ». В узком коридоре хостела&галереи «FABRIKA» на Красном Октябре были развешены работы Виктории Ломаско, Микаэлы, Натальи Першиной-Якиманской (Глюкли), Полины Петрушиной, Умной Маши и Татьяны Фасхудиновой.

Вывесить работы прямо в маленькой недорогой гостинице, по соседству с жилыми комнатами, душем и кухонькой — ход, конечно же, странный для столичной арт-сцены, но очень хорошо сочетающийся как с социальным смыслом выставленных призведений графического искусства, так и с установкой женщин-организаторов на автономное, независимое проживание собственной жизни.

На моей памяти это была вообще первая социальная в полном смысле слова выставка в Москве, антисоциальной столице антисоциального государства РФ. Были социальные концерты — с благотворительными сборами на бездомных, заключённых, детей-сирот, но выставок не припомню. Денег с посетителей здесь не собирали, смысл вообще не в благотворительности, а в том, чтобы обратить внимание на проблемы, остающиеся всегда где-то в «задней комнате» общественного сознания. И, конечно, ничего удивительного, что наше внимание к тоскливому быту малых городов России, к жизни инвалидов, трудовых мигрантов, к стереотипам относительно стариков, культуре стигматизации различных «отстающих» привлекли именно женщины-графики.

В стороне от торжествующего мачистского фонтана саморепрезентации современного искусства есть много художниц, выбирающих «негромкие» темы (например, работа Микаэлы «Хватит орать на стариков!» или серия Глюкли «Новая архитектура») либо нескандальные интерпретации громких историй, уже послуживших основой для медийных скандалов (как графическая история «Pussy Riot» в изображении Полины Петрушиной). И дело тут не в якобы изначально присущей женщинам сестринской доброте и материнской заботливости (подобные качества, а также их отсутствие, вполне воспитуемы, это скорее результат того, как по-разному учат входить в жизнь мальчиков и девочек, начиная с первых младенческих соплей — голубое-розовое, пистолетики-куколки, конструкторы-вышивки и т.д., и т.п.), дело в том, что обращать внимание на такие «мелочи», которым была посвящена выставка, как-то не пристало «настоящему мужчине», а женщины, что ж, замечают и эту, и всякую прочую «мелочовку», из которой на самом деле и состоит наша жизнь.

Как объясняют кураторы выставки Виктория Ломаско и Надя Плунгян, название проекта отсылает к ленинградскому художественному объединению «Боевой карандаш». В 1940-х эта группа, несмотря на технические трудности, печатала литографским способом новые и новые выпуски замечательных сатирических плакатов в жанре рисованной истории. «Мы ставили себе задачу сохранить непрерывность документальной графики и её высокое гражданское значение, поэтому дали выставке политическое название», говорят Плунгян и Ломаско.

На выставке была представлена графика в жанрах документального комикса, репортажного рисунка, плаката и городского трафарета. Во всех работах изображение дополняет текст — художник обращается к зрителю, используя не только визуальные образы.

Почему на этой на выставке представлены работы только художниц?

Куратор Надя Плунгян объясняет: «Женщина, в силу своего социального положения, замечает незаметное. Почти у каждой из нас есть опыт близкого знакомства с изнанкой предметного мира. Мы привыкли замечать, во что люди одеты, какие мелкие движения они совершают, как устроена их речь и сколько сахару они кладут в чай.

Все эти наши бытовые знания – теневая энциклопедия, которая легко развёртывается в широкую панораму современной истории. Потому что, как говорят феминистки, личное – это политическое. У графиков-женщин свой взгляд на повседневность, своя чувствительность к ней, и на выставке вы сможете увидеть, как этот взгляд заостряется, превращаясь в феминистский карандаш».

Увы, московский выставочный месяц позади, и теперь работы доступны разве что в интернете, например, в сетевом дневнике Виктории Ломаско *http://soglyadatay.livejournal.com.* А некоторые, как граффити Микаэлы и Умной Маши — на стенах домов Москвы, Берлина и других городов. Граффити — искусство ускользающее, сегодня есть, завтра закрасили, но всё же именно это искусство доступно народу как мало какое другое.

Виктория Ломаско добавляет: «Вместе с Надей Плунгян мы хотим продолжить серию выставок «ФЕМИНИСТСКИЙ КАРАНДАШ», приглашаем к участию в них всех художниц-графиков, работающих с социальными темами».





Умная Маша
«Двойная Петля. Квадриптих.»



Полина Петрушина
«PUSSY RIOT»



Виктория Ломаско
«Женское»

А вот отрывки из комментариев художниц к своим работам:

Виктория Ломаско «Женское»

В серии «Женское», как и в остальных моих работах, все персонажи нарисованы с натуры, и их реплики записаны дословно. Однако в этой серии я старалась двигаться от репортажа в сторону символизма — обобщать конкретные ситуации до образов, выражающих мои переживания. Портреты здесь не столько изображения конкретных людей, сколько архетипы: увядшая и одинокая; бухающая и «гулящая»; жёсткая советская старуха… Серия будет иметь продолжение (…).

Микаэла «Народоволки»

«Народоволки» — это одновременно и памятник, и вопрос. Кто эти шесть женщин? Что у них общего? Почему в таком порядке? Что они сделали? За что их репрессировали? (…)

Я назвала шесть наиболее известных, но, конечно, таких женщин было много. Они были подлинными гражданскими субъектами: меняли историю своей страны и брали за это ответственность. Перовская и Фигнер, ни много ни мало, организовали убийство Александра II.

Мне не близки их политические позиции, и я против насильственных методов борьбы, дело отнюдь не в романтике взрывов и выстрелов. Фактом и выбором своей жизни они изменили представления о женщинах, как о милых, пассивных, наивных существах, чуждых агрессии и социальной критике, сопротивлению, субъектности. За это все они были жестоко репрессированы властью – как царской, так и властью большевиков. Я хочу, чтоб их лица и имена появились на городских стенах, как напоминание и как вопрос.

Наталья Першина-Якиманская (Глюкля) «Новая архитектура»

(…) Пространство города изменилось с приездом мигрантов. Они стали неотъемлемой частью нашего ландшафта. Ткань города стала другой, и кажется пора меняться стенам. Стены должны измениться, а некоторые, безусловно, рухнуть, потому что оранжевая жилетка мигранта будет неизбежной соломиной в глазу у каждого. Другое дело, если у тебя уже нет глаз или вместо них уже что-то другое, например зияющие дыры пространства страха, в которых легко размещаются лозунги типа: «Россия скоро исчезнет» и т.д… Специально для таких членов нашего общества я предлагаю возродить традицию монументальных советских росписей и писать на стенах домов истории, происходящие с людьми, которые убирают наши туалеты, метут улицы, моют посуду и выполняют другие необходимые нам работы.

Полина Петрушина «PUSSY RIOT»

(…) Я в шоке от того, что происходит в России. Я в шоке от того, что общество так быстро меняется, и, в нашем случае, деградирует. Социальное искусство, если можно выделить такой жанр, становится жизненно необходимым.

(…) Я никогда не была любителем самоцензуры, и точно так же не выношу проявления фаллократии. Поэтому я солидарна с Pussy Riot. Они дают нам пример смелости и откровения.

Умная Маша «Двойная Петля. Квадриптих.»

(…) Пафосный граффитчик Бэнкси недавно сделал картинку про сурового панка и его английскую бабушку. Все смеются над контрастом. И никто не думает, что бабушка в нашем обществе никогда не получит право быть панком. Женщины столетиями обстирывают и кормят храбрых внуков и мужей-революционеров. На собственные требования они не имеют права.

Зачем мне протест, после которого я опять буду варить суп и нянчить деток? К чёртовой матери такой протест.

Это мило, что моими трафаретами украсили лестницу. Но я хочу пожелать московским подругам в следующий раз устраивать феминистские выставки в помещении с пандусами.

Татьяна Фасхудинова «Неизвестные истории из жизни Лёни Родина»

Лёня Родин – мой друг. Он инвалид с рождения. Сейчас ему 24 года. Все описанные истории действительно реальны, хотя я и не была их свидетелем. Подробности его жизни раскрывались постепенно – из личных бесед с Лёней, из переписки с ним. В работе я попыталась сохранить эту откровенность и в то же время его видение мира.

Хотелось рассказать не столько о тех нелепых, выбешивающих ситуациях, которые то и дело случаются с ним от равнодушия людей, от неготовности и нежелания общества воспринимать инвалидов, сколько о его способности дружить, мечтать, строить планы и исполнять их, о его увлечённости делом, о совершенном отсутствии обиды на судьбу, о внутреннем спокойствии и гордости, несмотря на жёсткость и даже жестокость обстоятельств.

***

С историями из жизни Лёни Родина вы можете познакомиться на следующих пяти страницах «Воли». К работам других художниц мы, надеюсь, ещё вернёмся в будущем.



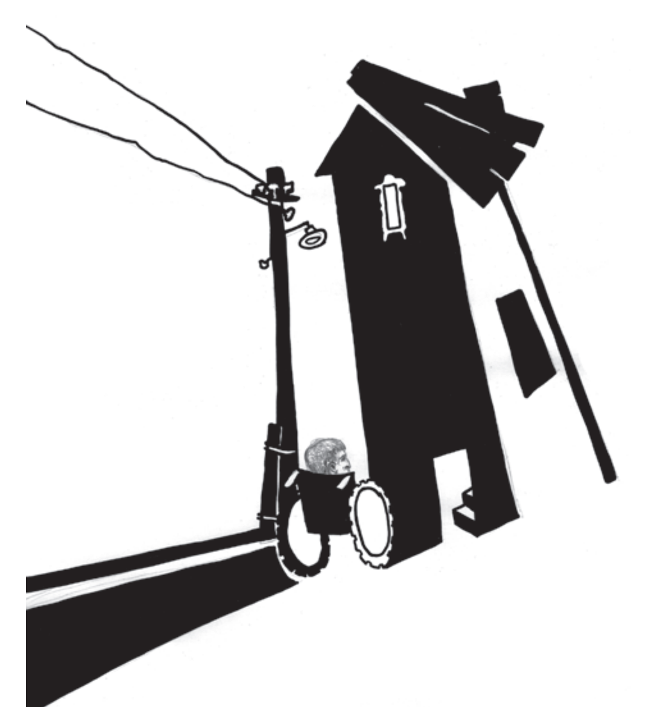
Наталья Першина-Якиманская (Глюкля)
«Новая архитектура»



Микаэла
«Народоволки»

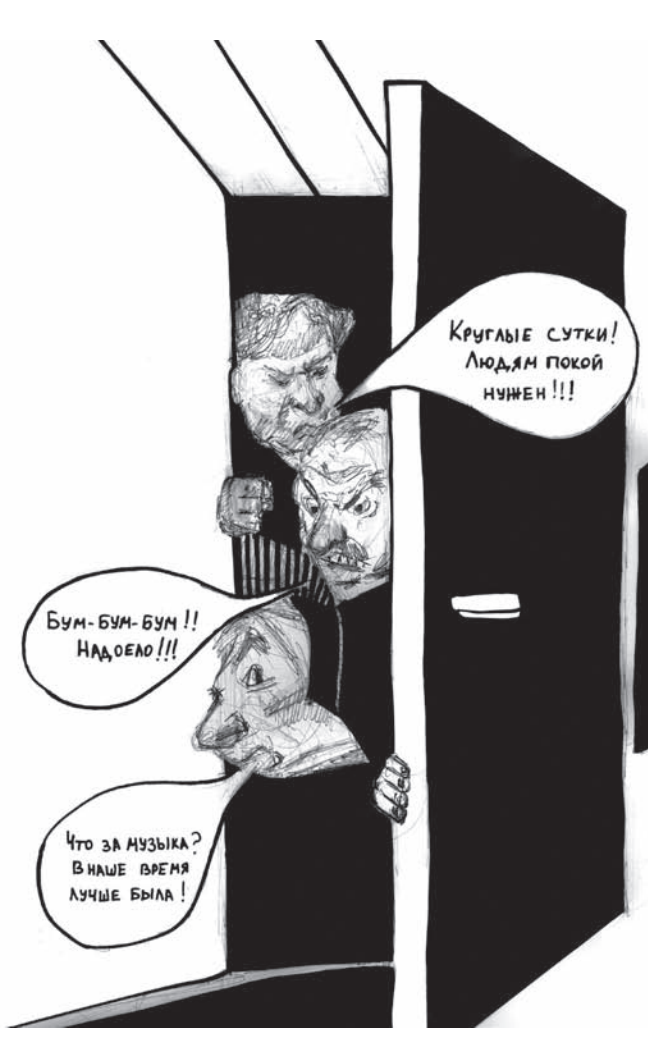
Татьяна Фасхутдинова

«Неизвестные истории из жизни Лёни Родина»





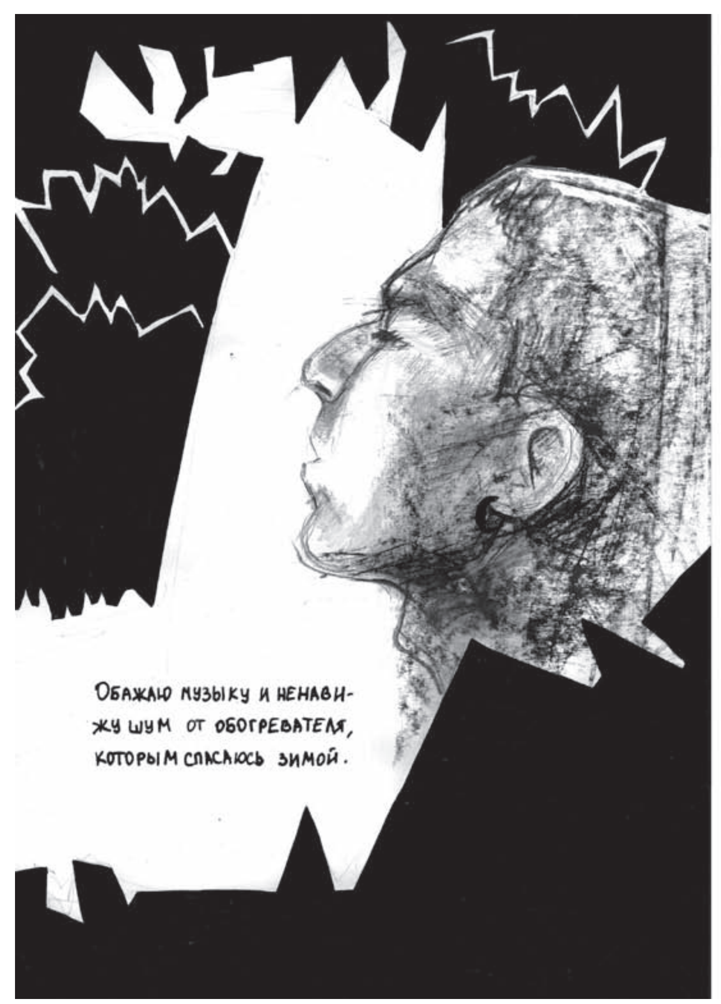




Еще со школьных дискотек в Ростове заравился диджеингом. Вернулся домой в Ижевск и продолжаю миксовать на домашнем компе. Когда есть настроение и вдохновение. От этого – вечные проблемы с соседями – музыка всегда им мешает...



А я жить без нее не могу. Когда занимаюсь музыкой, то забываю обо всем.



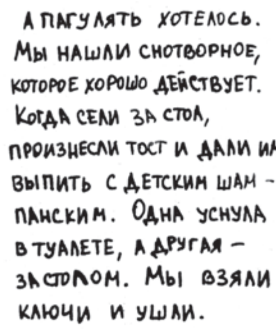


Иногда я его отключаю и наслаждаюсь тишиной.

В интернате в Ростове мода пошла на татуировки. Делали обычной иголкой и чернилами от ручки. Было жесть как больно. Один парнишка скорпиона попросил, другой – имя девушки...
Учителя не очень то приветствовали это увлечение. Так что втихушку делали. Потом по приезду домой собрал свою первую самодельную машинку.
За работы я ничего в то время не брал, потому что просто хотелось попробовать поработать. Потом, когда настоящую прислали, то просьбы пошли кучей, но из них я не сделал и десятой доли.
В основном заказывали девушки. Узоры всякие.

Мне надо дракона на все плечо
Хочу иероглиф «любовь». Это не больно?

Извени – пишу с ошибками. Просто часто сбегал с уроков в Ростове. И не доучился там полгода. Меня выгнали за то, что мы усыпили воспитателей. На Новый год, нас за территорию не отпускали, а пагулять хотелось. Мы нашли снотворное, которое хорошо действует. Когда сели за стол, произнесли тост и дали им выпить с детским шампанским. Одна уснула в туалете, а другая – за столом. Мы взяли ключи и ушали.







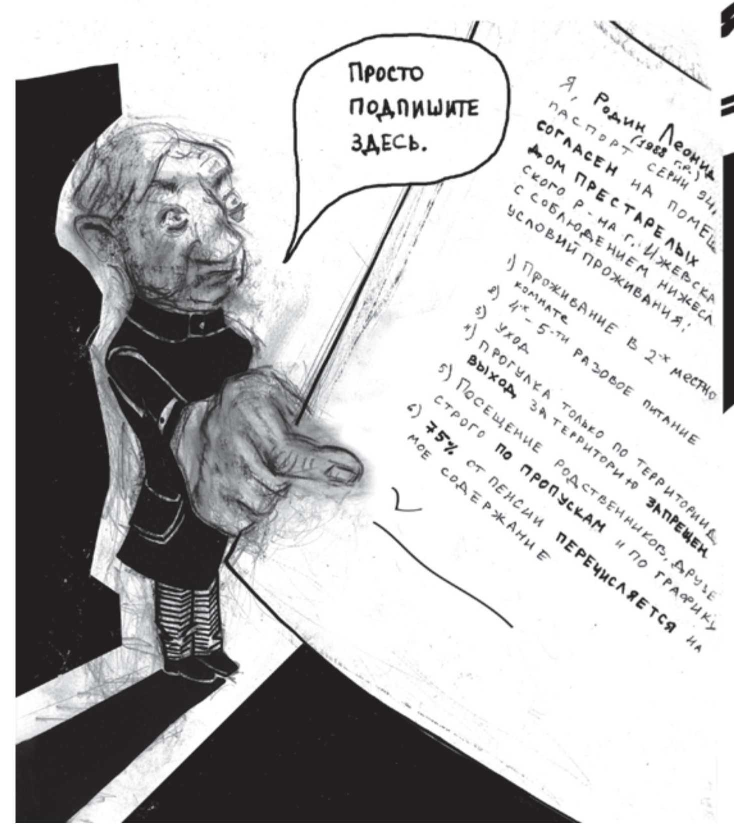
Там в Ростове со мной то и дело случались какие-нибудь истории. Как-то рыбачили на Дону. Мимо меня прошел катер рыбнадзора. От него пошла волна, и меня перевернуло. Спасло то, что пацаны вовремя пришли.

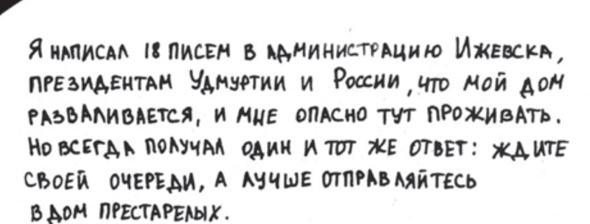


Люди часто принимают меня за инопланетянина. Однажды зимой закончились дрова и печь топить было нечем. Мы с другом решили снимать квартиру. У хозяйки случилась истерика, когда она меня увидела.

В нашем городе такие, как я, никому не нужны. Здесь нет условий для нормального передвижения инвалидов.

Так как живу я один, администрация города считает наилучшим решением отправить меня в дом престарелых.





Я написал 18 писем в администрацию Ижевска, президентам Удмуртии и России, что мой дом разваливается, и мне опасно тут проживать. Но всегда получал один и тот же ответ: ждите своей очереди, а лучше отправляйтесь в дом престарелых.
Спустя 25 года я добился суда, и администрацию города обязали выделить мне жилье. Пока его ищут, мне в аренду сдают комнату в коммуналке. Срок аренды истекает в марте. Что дальше я не знаю.

Какие у меня планы на жизнь?
Трудно сказать...
Хочу стать независимым, не быть обузой для близких друзей.
И не выглядеть бедным и несчастным в глазах окружающих. Просто зажить обычной человеческой жизнью, заниматься любимыми делами - диджеинг или татуировки, работать, а не жить только на пенсию. Ну и наконец, по возможности, обзавестись семьей.





Репортаж «Рабы из московского магазина «Продукты» смотрите в следующем выпуске «Воли» 19 января